Учительская газета. 1991 — 21 мая. — с. 11

Литературовед Мариэтта Чудакова знает: случайных совпадений не бывает. В 1964 году она начала работать штатным сотрудником отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. А через год к ним в отдел поступила рукопись неизвестного романа Михаила Булгакова. Содержание романа настолько отличалось от того, что публиковалось в нашей стране в те годы, что руководство ГБЛ сочло невозможным открыто хранить рукопись. Таинственный роман был заперт в сейф, откуда доставался изредка и с огромными предосторожностями, ибо... администрация библиотеки взахлеб читала его в служебные часы. Год спустя он появился в журнале «Москва» с огромными купюрами. Явление «Мастера и Маргариты» было, пожалуй, главным литературным событием в культурной жизни страны.

В эти же годы в отдел рукописей ГБЛ стал поступать архив Михаила Булгакова. И недавняя аспирантка МГУ Мариэтта Чудакова начала поиск утраченных рукописей писателя, сбор различных материалов, связанных с его именем, занялась тщательной обработкой архива. Эта работа растянулась на долгие годы, стала основной темой ее филологических исследований. М. Чудакова первая предложила периодизацию творческого пути Булгакова, впервые ввела в научный и общекультурный оборот множество фактов его жизни. Ею описана творческая история романа «Мастер и Маргарита».

В научной биографии литературоведа есть и такой эпизод: первая ее серьезная работа была запрещена к печатанию как «идеологически порочная». Четыре года ушло у М. Чудаковой на борьбу за рукопись, за право представить Булгакова как писателя огромного дарования, чей честный талант выдержал проверку временем. Сегодня книга доктора филологических наук, профессора Литературного института М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» стала библиографической редкостью, выдержав два издания. Обращаясь к известному филологу накануне юбилея писателя, мы почти не надеялись на успех. Но Мариэтта Омаровна не отказала «Учительской газете», любезно предоставив нам для публикации свои размышления о первом романе Михаила Булгакова «Белая гвардия». Публикуя эту статью, мы надеемся, что ее с интересом прочтут не только учителя словесности и истории, но также все, кому дорого имя писателя, чей столетний юбилей мы празднуем в эти майские дни.

ОТДЕЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Мариэтта ЧУДАКОВА

Сны о России

Первый роман Михаила БУЛГАКОВА

МИХАИЛ Булгаков хорошо знал, что такое поражение. Перечитаем эти страстные строки: «Они поняли, что судьба связала их с побежденными, и сердца их исполнились ужасом... О, только тот, кто сам был побежден, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на вечер в доме, в котором испортилось электрическое освещение...» (Булгаков не переносил дурного освещения—только самый яркий свет люстр, многократно им описанный как символ света в противовес тьме. Потухший свет в доме веял могильной тьмой). «...На протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть».

Это не голос кого-либо из героев «Белой гвардии» или повествователя — это прорвавший ткань повествования голос самого автора, его подавленная мука.

ОСЕНЬЮ 1921 года Булгаков приехал в Москву. За его плечами был медицинский факультет Киевского университета, оконченный весной 1916 года, госпитали прифронтовой полосы, в которых он поработал хирургом летом 1916 года (и увидел в лицо страшные последствия первой мировой войны), двухлетняя врачебная практика в среднерусской глуши — в Смоленской губернии, где встретил он известие об октябрьском перевороте. 31 декабря 1917 года он написал письмо своей сестре Надежде — оно не оставляет сомнений в том, чем были для будущего писателя Октябрь и последовавшие за ним события. К сожалению, родные писателя полвека скрывали полный текст письма (печатая его с купюрами) — по инерции советского общественного быта они не хотели «ухудшать» и без того не очень-то хорошую официальную репутацию писателя. (Теперь это письмо опубликовано в 5-м томе собрания сочинений писателя). Булгаков писал о своем «отчаянии» — «не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. ухнут в море русской революции». Он беспокоится о брате матери и своем коллеге — Н. М. Покровском, московском враче с отличной профессиональной репутацией и хорошей практикой, дающей заслуженно большой доход: «Что касается дяди Коли, то его, вероятно, тоже ждет хорошая штука: с захватом банков его в награду за его каторжно-трудовую жизнь ждет, вероятно, потеря всего, что он имеет». Октябрьские события с первых месяцев повернулись к Булгакову той самой стороной, которая определялась большевистской программой как «Грабь награбленное!» Благодаря одному из первых же актов новой власти — аресту банковских вкладов — Булгаков лишился возможности получить свои деньги, ни у кого не «награбленные», а нажитые честным и самоотверженным трудом земского врача, лечившего крестьян; признать справедливость таких действий новой власти он, естественно, не мог. «Через два часа новый год,— писал он в том же письме,— что принесет он мне? Я спал сейчас, и мне приснились Киев, знакомые и милые люди, приснилось, что играют на пианино... Придет ли старое время? Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и в тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Вот это «понял окончательно» отличило Булгакова от многих его современников. Воочию, открытыми глазами, не затуманенными иллюзией социальных утопий, увидел он в кровавом свете революции трагическое настоящее и будущее своей страны.

В НАЧАЛЕ 1918 года он вернулся в свой родной город — Киев; за полтора года пережил там не менее десяти смен власти. В конце августа 1919 года Советская власть, покидая Киев под напором Добровольческой армии, спешно расстреливала в тюрьмах заложников. Когда открыты были помещения ЧК (Чрезвычайной комиссии), взорам киевлян открылись страшные картины. В течение семи месяцев большевистской власти в Киеве были расстреляны тысячи людей; Добровольческая армия с первых дней начала печатать списки опознанных. В те самые дни Булгаков был мобилизован в эту армию. Он в течение полутора лет удачно уклонялся от разных мобилизаций — сумел сбежать от петлюровцев (уже оказавшись в их руках!), летом 1919 года покинул дом и скрывался в окрестностях Киева от мобилизации в Красную Армию. Теперь уже, осенью 1919 года, он, как явствовало из наших бесед с его первой женой Татьяной Николаевной (1889—1982; урожд. Лаппа, во втором браке Кисельгоф), не делал попыток уклониться. Конечно, он предпочел бы театру военных действий частную практику врача и письменный стол литератора (урывками он уже писал — начиная с 1916 года). Но вошедшая в Киев белая армия была его армией — в нее входили люди его круга, друзья, знакомые, в ее рядах с первых же дней естественным образом оказались младшие братья. К тому же впервые после октября 1917 года забрезжила надежда на успех — на поворот к февралю 1917 года, к установлению прежнего порядка. И он отправился на поезде, в форме военврача, со служебным назначением в кармане, на Северный Кавказ — в военные госпитали.

На какой же именно прежний порядок он рассчитывал? Или надеялся? Падение монархии застало Булгакова, как и многих естественных органических монархистов, врасплох. Главным сокрушающим событием было не отречение государя, причем не только за себя, но и за сына (на что он, как многие знали, не имел законного права), а последовавшее за этим отречение брата царя Михаила: царствующая фамилия, таким образом, сама прекращала в России монархический образ правления, передавая власть Временному комитету, т. е. вводя республиканское правление до момента, когда Учредительное собрание определит для России способ правления. Одновременно российские подданные освобождались от присяги как бы самим монархом и его невоцарившимся братом. Был отменен и запрещен к публичному исполнению прежний гимн (поэтому, когда герои «Белой гвардии» поют «Боже, царя храни»,— это фронда не только по отношению к гетману или Петлюре), взамен рекомендовался к исполнению в торжественных случаях марш Преображенского полка.

Многие из тех, кто сражался в рядах белой армии, не думали о восстановлении монархии — они ориентировались на Россию после февраля (в свете этого нужно читать диалог между полковником Малышевым и Турбиным о монархистах и «социалистах») — в лице Учредительного собрания — определить свой способ правления.

Но были и другие. В ноябре 1919 г. известный русский политический деятель и публицист П. Б. Струве, читая в Ростове-на-Дону, в тылу деникинской армии, публичную лекцию «Размышления о русской революции», говорил: «Поскольку крушение монархии для русских означало крушение и самой России, многие образованные русские, не бывшие монархистами, стали монархистами из русского патриотизма». Эти слова можно отнести и к Булгакову, хотя корни признания монархического строя как естественного для России образа правления уходят, несомненно, в детство и отрочество будущего писателя, воспитывавшегося в консервативной семье профессора Духовной академии.

В том же месяце Булгаков — впервые, по-видимому, выступая в печати — публикует статью в северокавказской газете «Грозный». Статья называлась «Грядущие перспективы». В ней рисовался безрадостный прогноз—в случае поражения Добровольческой армии стране придется «платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумие мартовских дней, за безумие дней октябрьских...»

Так не только октябрьский переворот, но и мартовский конец монархии расценены как «безумие» в истории России.

Сегодняшнего читателя — соотечественника Булгакова — этот прогноз глубоко поражает своей достоверностью: это о наших днях, о «суровой бедности» нашей жизни, ставшей расплатой за братоубийственную войну и последующее многолетнее разрушение хозяйства страны теми, кому удалось нанести в 1919—1920 гг. поражение Добровольческой армии.

Булгаков видел начало катастрофы. Он заболел возвратным тифом в тот самый момент, когда началась эвакуация белой армии с Северного Кавказа. Очнулся он уже в советском Владикавказе и долго впоследствии не мог простить жене, как рассказывала она в наших беседах: «Во время болезни у него были дикие боли, беспамятство... Потом он меня часто упрекал: «Ты — слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, как же я могла везти? Они мне так и говорили: «Что вы хотите — довезти его до Казбека и похоронить?»

ЛЕТОМ 1921 года Булгаков пытался эмигрировать из Батуми — по-видимому, морем. Уезжая в Батуми, он писал сестре: «Может быть, окажусь в Крыму...» Эта фраза также купировалась при публикациях — вплоть до 1989 г.: хотя Крым летом 1921 года уже был советским, но само многоточие должно было намекнуть родным писателя на возможность более далекого пути. По словам жены, он хотел попасть в Константинополь: «Вел с кем-то переговоры, хотел, чтобы его спрятали в трюме, что ли... Он сказал, чтобы я ехала в Москву и ждала от него известий. «Если будет случай, я все-таки уеду».— «Ну уезжай».— «Я тебя вызову, как всегда вызывал». Но я была уверена, что мы расстаемся навсегда».

Но они встретились — через месяц. Это произошло в Москве, куда Булгаков приехал в двадцатых числах сентября с тем, чтобы, как пророчески напишет он вскоре в своей автобиографии 1924 года, «остаться в ней навсегда». В этом городе суждено было ему далее жить — и умереть.

В декабре 1922 года в газете «Накануне» (издававшейся в Берлине, но тесно связанной с Москвой: издание неофициально субсидировалось Советским правительством и выполняло определенный заказ — воздействие на сознание русских эмигрантов в положительном по отношению к Советской России духе) появился отрывок «В ночь на 3-е число», с подзаголовком «Из романа «Алый мах». Это был фрагмент ранней редакции будущего романа «Белая гвардия». Там действовали, а вернее, неслись по волнам, помимо воли совершающегося исторического действия, доктор Бакалейников, его жена Варвара Афанасьевна (имя одной из сестер Булгакова), его младший брат Николай (имя его младшего брата), а также Юрий Леонидович — персонаж, также сохраняющий имя и отчество дальнего родственника, часто бывавшего в доме Булгаковых в 1918—1919 гг.

В центре — эпизод бегства доктора от мобилизовавших его петлюровцев (и имеющий, как мы упоминали, автобиографическую основу).

Роман в той редакции, в которой знает его нынешний читатель, создавался главным образом в 1923—1924 гг.

В 1925 году роман печатается в журнале «Россия» — в №№ 4 и 5. После этого журнал закрылся — № 6 с окончанием романа не вышел. Автор так и не увидел романа, на который он возлагал огромные надежды, напечатанным целиком на своей родине. Только в 1929 году ему удалось напечатать третью, заключительную часть романа в Париже. Но последняя глава осталась в корректуре невышедшего номера журнала «Россия». В 1970 годы (когда, обрабатывая архив Булгакова в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР, мы обнаружили эту корректуру и оценили ее значение) попытки напечатать ее в советских издательствах (как в сугубо академических томах «Литературного наследства», так и в литературно-художественных журналах) не удались. Ранняя редакция последней главы «Белой гвардии» была опубликована только в 1987 году.

Но и текст всего романа в том виде, в каком он был в свое время издан автором, появился в отечественной печати только в 1988 году, и не в центральном издательстве, а в далекой от центра Удмуртии. В однотомнике же, изданном в Москве в 1966 году, были сделаны изъятия тех фрагментов текста, где Алексей Турбин резко говорил о политике гетмана в отношении «украинизации» Киева в 1918 г. (Читатель сам может сопоставить сцену в доме Турбиных в главе 3-й первой части романа в издании 1966 г. и в собрании сочинений в 1990 г.).

ВЕРНЕМСЯ в Москву 1921 — 1922 гг.— первого московского года Булгакова.

Перед уже немолодым (по его собственным меркам 30 с лишним лет, конечно, возраст весьма зрелый), но еще начинающим в глазах публики писателем встала сложнейшая задача — написать роман о гражданской войне, в которой он был душою на стороне, сражавшейся против большевиков, и опубликовать его в советской печати, не покривив при этом душой.

Несколько главнейших проблем подлежали осмыслению — Россия и рухнувшая монархия, Россия и революция, Россия и Украина; религия; российское общество в момент революции и гражданской войны.

Он заново обдумывал роковые события недавнего прошлого и мучительно размышлял над тем, над чем современная Россия размышляет вслух и печатно последние пять лет: «Могла ли история пойти иначе?» «Белая гвардия», посвященная совсем недавнему прошлому, несет на себе тем не менее черты исторического романа — в то время прошлое историзовалось стремительно.

Князь Сергей Трубецкой после большевистского переворота — член антибольшевистской тайной организации, высланный осенью 1922 года в Германию в числе более чем ста русских профессоров и общественных деятелей, писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Многих обуял теперь какой-то исторический фатализм, и они не допускают даже возможности «белой победы» в нашей гражданской войне (..) Я не могу встать на эту фаталистическую точку зрения Конечно, поражение белых не было чисто случайным и имело под собой много оснований, но все же оно было прежде всего военным поражением, и военный успех мог бы все перевернуть». Это сосущее чувство военной неудачи ощущается порой на страницах романа.

В «Белой гвардии» военным действиям в детальных описаниях уделено огромное место. Приведем любопытное свидетельство: когда один бывший кадровый военный впервые прочел роман, его первая читательская реакция поразила собеседников: «Очень хорошее знание тактики уличного боя!»

Обратим внимание на оценки, которые дает Алексей Турбин несимпатичному ему Тальбергу: «...и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно было быть в России...»

Окрашивающее многие страницы романа горячее сочувствие автора к русским офицерам, связанное с горьким сожалением о разрушенной монархии и попранной армии,— черта, изобличающая консервативное умонастроение; для либеральной русской интеллигенции к моменту революции это было уже никак не характерно, она ориентировалась скорее на солдат, на пропаганду среди них. (Значащая деталь. поэтики романа — черное пальто обывателей как повторяющееся цветовое пятно).

Если позволительно сделать экскурс в психологическое состояние данного автора — в Москве, в новом дружеском кругу людей глубоко штатских, необстрелянных, ему недоставало своих киевских друзей, людей в армейских шинелях. (Среди населения Киева, заметим, всегда был очень высок процент военных). Он помнил их, он хранил уважение к тому, что ради России они ставили на кон свою жизнь. И когда повествователь «Белой гвардии» вспоминает ситуацию в Городе летом 1918 года:

«Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, в темноте» — в этом тоже, пожалуй, немалая доля эмоций самого автора, биографических реминисценций. Здесь — и впечатления от того слоя «тыловой» московской интеллигенции, которая от оппозиции к самодержавию перешла к безгласной оппозиции к новой власти, не осуществившей их либеральных чаяний (которых сам Булгаков никогда не имел). Ненависти «из-за угла, в темноте» (получившей позже в столичных кругах обидное, но верное наименование кукиша в кармане) в «Белой гвардии» противоположено чувство, владеющее вернувшимися в город офицерами «конченых и развалившихся полков». Они-то «ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку».

Роман стал памятником российскому офицерству — погибшему в отчаянных попытках ценою жизни вернуть прежнюю Россию или разметанному по городам Западной Европы и Азии.

Вместе с тем в отличие от многих, автор «Белой гвардии» понимал, что драка — кончена. Он видел разгром белой армии и не строил иллюзий. Роман пронизан мучительным ностальгическим чувством по прежней России именно потому, что автор его не сомневается — Россия кончилась.

ГОРЬКОЕ чувство потерянного Отечества окрашивает страницы романа. Многие из них отданы размышлениям над историческими истоками совершившегося.

В юности и ранней молодости Булгаков был от политики далек. Начало мировой войны, упавшее на последние университетские годы, сделало непременным его занятием чтение политических сводок. Близость к театру военных действий и вовсе не давала возможности отрешиться от последних газетных известий. Революция многократно усилила необходимость следить за новостями, а спустя полтора года крутой кипяток киевской жизни с беспрерывной сменой властей решительно деформировал жгучий интерес Булгакова к политике (и началом его печатания стала политическая публицистика). В этом отношении, как и во многих других, фигура Алексея Турбина неприкрыто автобиографична

Главное, что занимает Турбина помимо домашних забот,— это политика момента: он обдумывает и обсуждает с друзьями отношение к гетману, к Петлюре и т. д. Сам Булгаков утверждал впоследствии, что роман написан в толстовской традиции Яростным осуждением подробностей конкретной политики его герои тоже близки к толстовским, но при этом главный герой «Белой гвардии» ближе — если рассматривать его вплотную — к Николаю Ростову, чем к Пьеру Безухову или Андрею Болконскому с их богатейшей интеллектуальной жизнью При таком взгляде на героя можно сказать, что Булгаков изображает порядочного, честного, но, пожалуй, среднего, замкнутого в сиюминутной политике, высокими вопросами не задающегося человека.

Но рассмотрения вплотную недостаточно — необходимо охватить роман общим взглядом, и тогда мы увидим, что у Булгакова свой способ взаимодействия главного героя с автором

Этот герой построен как некий контур, его фигура оставлена в значительной степени полой — для того, чтобы в нее с силой, как в вакуумное пространство, втягивалось все, что думает и знает читатель романа о его авторе. Алексей Турбин — как бы персонификация голоса автора, голоса, который слышен главным образом за сценой (в снах Алексея Турбина, где возникает анализ корней петлюровщины и всего остального) Автор наделяет героя лишь двумя областями реальной душевной жизни — воспоминания и чувство к Юлии. В ней воплотится тот образ женственной, но сильной женщины-спасительницы, который был биографически и творчески важен для Булгакова (вспомним его упрек жене— «Ты—слабая женщина...») и наиболее полным вариантом которого станет Маргарита в «Мастере и Маргарите». Любовь спасающая — постоянный мотив его творчества.

Все остальные области души и мысли автором оставлены себе — это ему, автору, а не бытовому его двойнику, как бы за него двигающемуся в романе в шинели военврача, снится сон о Най-Турсе и Жилине, о Петлюре и пружинах катастрофических событий, развертывающихся в его стране. Спящий Алексей Турбин — как бы медиум, трансформирующий читателю авторский взгляд на вещи.

СНЫ станут в романе важным способом воплощения художественной мысли автора. Спасая его от прямого цензурного вмешательства (в 1920 годы еще можно было доказать цензору, что это — не собственные мысли автора, а только сон одного из его героев), этот повествовательный ход помогал писателю победить победителей своим творчеством — писать «не отступаясь от лица» (Б. Пастернак).

Одного и того же человека видят во сне два персонажа из противоборствующих станов: «Неизвестный, непонятный всадник в кольчуге», который «братски наплывал» во сне на часового-красноармейца в финале романа—это сосед и земляк его Жилин. И в той же самой светоносной кольчуге появляется во сне перед Алексеем Турбиным «вахмистр Жилин, заведомо срезанный огнем с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении». Этот образ многозначителен — не доживши до братоубийственной войны, вахмистр благодаря именно этому трагическому обстоятельству остается братски близок обоим персонажам романа — тем, кто теперь оказался в трагическом смертельном противостоянии.

У обоих персонажей романа от лицезрения убитого душа наполняется «счастьем», они чувствуют «сладостный трепет». Сон — момент приближения к загробной, вечной жизни: во сне приходит к героям забвение, возникает надежда на искупление. Наяву же идет беспрерывная страшная расплата, обещанная соотечественникам еще в 1919 году суровым автором статьи «Грядущие перспективы» — расплата за общенациональную вину, за податливость народа, к которому он принадлежал, к «одурачиванию» и готовность впасть в «безумство».

«Все пройдет,— утверждал финал «Белой гвардии»,—страдания, муки, голод и мор». Но вместе с этим разрешающим мотивом подспудно звучит на протяжении всего романа исполненный отчаяния финал ранней статьи автора романа:

«Кто увидит эти светлые дни? Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк, и десятилетия она так же легко считает, как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»